

Авлиев Вячеслав Николаевич, Горяев Мерген Саналович

КОЧЕВАЯ АРИСТОКРАТИЯ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ КАЛМЫКОВ)

В статье рассматриваются проблемы взаимоотношений между российской администрацией и представителями степной кочевой калмыцкой аристократии в конце XVIII - середине XIX в. Именно в данный период была оформлена в целом система ограничения автономных начал в управлении Калмыкией. После ухода в 1771 г. большей части кочевого народа обратно на историческую родину (в Джунгарию) изменилось отношение центральных властей к калмыкам. Российские власти отказались от мер временного характера и вплотную занялись определением государственного статуса оставшейся части калмыков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/2/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(76) С. 19-22. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 9.93

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются проблемы взаимоотношений между российской администрацией и представителями степной кочевой калмыцкой аристократии в конце XVIII – середине XIX в. Именно в данный период была оформлена в целом система ограничения автономных начал в управлении Калмыкией. После ухода в 1771 г. большей части кочевого народа обратно на историческую родину (в Джунгарию) изменилось отношение центральных властей к калмыкам. Российские власти отказались от мер временного характера и вплотную занялись определением государственного статуса оставшейся части калмыков.

Ключевые слова и фразы: аристократия; российские власти; автономия; губернатор; управление.

Авлиев Вячеслав Николаевич, к.и.н.

Горяев Мерген Саналович, к.и.н.

*Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, г. Элиста
bartolomeod@yandex.ru; mergengoryaev@mail.ru*

**КОЧЕВАЯ АРИСТОКРАТИЯ В КОНТЕКСТЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ КАЛМЫКОВ)**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 16-11-08004 «Исторический опыт национальной политики России (на примере Калмыкии)».

Конец XVIII – начало XIX в. – своеобразный период в истории нойонов и зайсангов калмыцкого народа. Именно в данный период был заложен фундамент для последующих взаимоотношений степной аристократии и российской администрации. Вышеназванные феодалы были убеждены в том, что у них есть прекрасная возможность сохранять свои привилегии и свободы от притязаний центрального правительства; в связи с этим в 1771 г. во главе с наместником Убаши подавляющая часть кочевников ушли в Джунгарию. Аристократия весьма упорно уповала на мобильность своих подчиненных, на особенности кочевого образа жизни, которые давали неплохую возможность при чрезмерном давлении властей уйти из-под их влияния, сменив ареал обитания.

Однако не все данное мнение разделяли. Против этого были многие дальновидные представители элиты, такие как нойон Асархо и его племянник Маши (икицохуровские), нойон Теке (хошоутовский) и другие. Правда, помешать уходу народа в Джунгарию они не могли, но из-за осознанного саботирования действий Убаши по уходу соплеменников их собственные улусы и аймаки возвратились на прежние места кочевания.

Произошедшее событие положило начало новому этапу в истории народа. После 1771 г. определить предстояло государственный статус степняков, оставшихся в пределах империи. Естественно, приоритет в их рассмотрении принадлежал правительству. Однако, вместе с тем, для предотвращения повторения печального 1771 года как крупной ошибки в национальной политике требовалась весьма деликатная гибкость в приемах по распространению на кочевников общероссийских порядков.

Назначение А. Дондукова главным в калмыцком народе вызвало недовольство других калмыцких нойонов, также рассчитывавших на подобное предложение властей. В калмыцкой степи сложилась ситуация, когда назначение у калмыков главы из среды нойонов грозило новыми междоусобицами. Ни один из претендентов на власть не имел бесспорных аргументов в свою пользу. Легитимность каждого из них была сомнительной в глазах других нойонов. В таких условиях правительство решило отказаться от идеи национальной власти в калмыцких улусах. События 1771 года были пусть важными и решающими, но лишь поводом для тех изменений, что произошли после ухода калмыков в Джунгарию.

6 декабря 1771 г. в Астрахани калмыцким нойонам был объявлен именной рескрипт Екатерины II. К удовлетворению большинства нойонов отныне в калмыцких кочевьях отменялось начальствование А. Дондукова и разрешалось, чтобы каждый из них «своими собственными людьми независимо управлял от иных и давал на них расправу и суд по их калмыцким обыкновениям и правам» [4, с. 191]. Согласно указу, владельческие права над улусом переходили от отца к сыну, а при отсутствии прямого наследника улус поступал в казенное ведомство. Посредником в их взаимоотношениях отныне должен был выступать лично астраханский губернатор. Ему же поручалось осуществлять «общее надзирание и управление калмыцкими кочевьями» [Там же].

Итак, управление над калмыками волею Екатерины II переходило в руки астраханского губернатора. То есть отныне калмыцкая аристократия была подчинена астраханскому губернатору. Рескрипт давал им неслыханные ранее привилегии и права по отношению к своим простоллюдинам. Таким образом, вводилось в Калмыкии фактически крепостное право, которое не было ранее свойственно кочевому сообществу. Нойоны стали полновластными хозяевами в своих улусах, а российская администрация из осторожности предпочитала не втягиваться и не вмешиваться в их местные дела.

Подверглись преобразованиям и исполнительные органы управления калмыками. «Калмыцкие дела» по указу от 26 января 1771 г. были переведены в Астрахань и переименованы в Экспедицию калмыцких дел (Калмыцкую экспедицию) при астраханской губернской канцелярии. Калмыцкая экспедиция более двух лет проводила кропотливую работу по собиранию разрозненных калмыцких семей разных родов, аймаков, улусов, по установлению их принадлежности «прежде и кому по ближнему родству должны бы принадлежать» [Там же, с. 192]. В улусы направлены были приставы под названием «переводчиков» калмыцкого языка и «учеников».

В 1788 г. правитель наместничества статский советник Алексеев переименовал ее просто в калмыцкую канцелярию, перевел в г. Енотаевск как центральный пункт всех улусов. Следующий правитель Кавказского наместничества, генерал-майор Брянчанинов снова перевел канцелярию в Астрахань, где она просуществовала до 1797 г., когда по указу Сената от 15 января 1797 г. была закрыта. Дела казенных улусов по предложению Астраханского губернатора были переданы в местные уездные суды, а владельческие остались вообще без надзора. В том же году 29 июня в Астрахани снова было открыто Калмыцкое управление [5, с. 15].

Вскоре со стороны нойонов частым стал произвол по отношению к их подвластным, что порождало нескончаемые взаимные ссоры, жалобы и вражду между нойонами. Все это привело к тому, что калмыков стали нередко передавать в казенное ведомство. С этой целью в 1786 г. от наследников умершего князя А. Дондукова были взяты принадлежавшие ему Багацохуровский и Эркетеневский улусы в количестве 3086 кибиток, взамен которых им была пожалована пенсия и 1984 души крестьян в Могилевской губернии. Вслед за этим в апреле 1786 г. был причислен в казенное ведомство и Дербетовский улус [6, с. 583].

Перевод улусов в казенное ведомство имел свои недостатки. Ничем не регламентированное управление вело к многочисленным злоупотреблениям как русской администрации, так и представителей местного управления – зайсангов. Пристав Дербетовского улуса М. Везелев, оказавшийся единоличным правителем улуса, «так зделался волен», что стал допускать разные злоупотребления [12, д. 620, л. 39 об.]. В рапорте пристава казенного Дербетовского улуса Янковского к кавказскому наместнику С. А. Брянчанинову в 1790 г. справедливо замечалось: среди многих причин неурядиц в Дербетовском улусе есть немалая доля вины русских властей. Так, сообщая о посланном для наряда в армию 350 калмыков капитане от донского войскового атамана А. Асанове, который прямо грабил калмыцкое население под разными предлогами, Янковский писал, что «и зайсанги на ево смотря зачали чернь грабить и денежный сбор збирать и по сие время збирают, и кто не даст у того грабят скот насильно» [Там же, д. 619, л. 153].

Были моменты и отступления в политике центральных властей от своей линии. На рубеже XVIII-XIX вв. правительство восстановило звание наместника ханства и суд Зарго, уничтоженные в 1771 г. А администрация Павла I даже восстановила Калмыцкое ханство. В качестве кандидата в наместники был выбран владелец Малодербетовского улуса Чучей-тайша Тундутов. Также был восстановлен существовавший при ханах и упраздненный после ухода калмыков в 1771 г. суд Зарго из восьми человек – представителей от зайсангов и духовенства. Приказано также было предоставить калмыкам во владение те земли, на которых они кочевали ранее [7, с. 259, 280, 340-341, 701].

С этого времени калмыки входили в непосредственное подчинение правительства. По всем вопросам, кроме земельных, они действовали через своего пристава, который назначался Коллегией иностранных дел (КИД). Первым исполнителем этой должности стал Макаров, а затем – сосланный в Астрахань писатель-сатирик, коллежский советник Н. И. Страхов; третьим стал подполковник С. А. Халчинский [1, с. 64]. Наметившиеся изменения в управлении калмыками просуществовали недолго. Их сужение заметно уже в грамоте, данной Александром I в октябре 1801 г. на имя ханского наместника. Согласно ее предписанию, калмыки Астраханской губернии в своих действиях теперь должны были быть ответственны как перед КИД, так и перед астраханским военным губернатором [3, д. 219, л. 8-9]. Здесь явный намек на ограничение политики самостоятельности калмыцких феодалов, подчинение их деятельности повседневному надзору, как со стороны правительства, так и со стороны чиновников местной администрации. В связи с этим, Чучей Тундутов не имел той власти, которой пользовались его предшественники. Ни одного шага не мог он предпринять без «кивка» чиновников. Ко всему прочему, как заметил Главный калмыцкий пристав Н. Страхов, между нойонами «звание Наместника Калмыцкого народа производило зависть, вражду, доуки, разные клеветы и самые возмущения» [2, д. 22, л. 14].

После смерти в 1803 г. наместника Чучея звание наместника больше не возобновлялось. Правительство не сочло нужным назначать ему преемника, калмыцкий народ остался под управлением Главного пристава и под ведомством Коллегии иностранных дел. На своей же территории калмыки были в подчинении астраханского военного губернатора, а с 1816 г. перешли в ведение Астраханского гражданского губернатора [8, с. 954; 8, с. 555].

Неурядицы вредно сказывались на ситуации в улусах; еще наместник Чучей указывал на необходимость введения уложения 1640 г. Он утверждал, что калмыки, не зная калмыцких законов, нередко подвергаются наказаниям, которые по уложению 1640 г. были бы совсем иными. Вследствие его просьбы было приказано в 1802 г. КИД заняться этим делом. КИД поручило Главному приставу Н. Страхову сделать точный перевод законов 1640 г.

Междоусобные неурядицы парализовали единственный местный орган самоуправления в Калмыцкой степи – Зарго. Бездеятельность суда Зарго привела к тому, что в 1806 г. Главный пристав Страхов стал делать запросы в КИД, стремясь добиться разрешения его упразднить [2, д. 22, л. 25 об.]. Правительство тогда не решилось пойти на этот шаг, но начало было положено.

Калмыцкая аристократия всячески стремилась вернуть утраченные права и привилегии. Они начали подавать жалобы и прошения в столицу.

В ответ на поступавшие к Главному приставу жалобы на бездеятельность Зарго и нарушения в суде норм Уложения 1640 г. Министерство иностранных дел в 1821 г. направило Главному приставу калмыцкого народа А. Каханову копию этого Уложения, поручив ему пересмотреть его в соответствии с изменившимися условиями жизни калмыков, собрав для этой цели владельцев и представителей калмыцкого духовенства. В урочище Зинзили 19 марта 1822 г. созвано было совещание, состоявшее из представителей духовенства и нойонов, а также членов суда Зарго. Оно пересмотрело Уложение 1640 г. и законы Дондук-Даши и дополнило их статьями. Но решения не были единодушными. Основным пунктом расхождения был вопрос о системе управления калмыцким народом. Большинство владельцев (Серебджаб Тюменев, Эрдени-тайши Тундутов)

считали, что центром управления должен явиться суд Зарго, состоящий из представителей духовенства зайсангов и нойонов и помещающийся в пределах кочевий Малодербетовского улуса. Чиновники не должны принимать никакого участия в работе данного Зарго. Накал страстей при обсуждении Уложения был таков, что Главный калмыцкий пристав А. Каханов, поддерживающий партию Тундутова, в запале даже угрожал несогласному дербетовскому нойону Очиру Халчукову «отрезать пальцы, если он не подпишет уложения составленным Эрдени тайшою (Тундутовым)» [Там же, д. 199, л. 61].

Правительство, что вполне естественно, не утвердило «Зинзилинских постановлений». Власти разработали систему управления степняками. Ее сущность сводилась к ограничению политической самостоятельности калмыцких аристократов и подчинению их надзору со стороны чиновников.

10 марта 1825 г. были изданы «Правила для управления калмыцким народом». Согласно им, управление кочевниками передавалось из МИД в ведомство МВД, что подразумевало, что отныне Калмыцкая степь является внутренней областью страны. Правила 1825 г. укрепили роль представителей правительства в управлении степняками, которое на 2/3 было составлено из чиновников, и уточнили административные функции улусного управления и калмыцких владельцев. Калмыцкие нойоны были названы владельцами, но без всякого обозначения их прав. Понятно, что Правила не затронули отношения калмыцких владельцев и зайсангов к подвластному им населению. Постепенное ограничение власти калмыцкой знати приводило к тому, что даже всеильные в калмыцких улусах нойоны страдали от произвола русских чиновников. Новый порядок по Правилам 1825 г. не оправдал ожиданий Правительства, калмыцкий народ беднел и все больше «приходил в расстройство». Отправленный в 1827 г. в Астраханскую губернию сенатор Энгель представил, что главная причина расстройства калмыцкого народа заключается в неограниченной власти нойонов, которым Положение 1825 г. дало еще больше власти. Причем власть калмыцких нойонов он называл безусловной при полной покорности подвластных. Кроме того, он среди других причин назвал влияние духовенства, нравственный разврат в народе и, наконец, сам порядок управления [5, с. 24].

Следующим этапом политики правительства было издание Положения от 24 ноября 1834 г., проведенного в жизнь с 1 января 1836 г. [10, с. 18]. Внешне управление калмыками мало изменилось по сравнению с временными Правилами 1825 г. Иногда дело сводилось лишь к переименованию того или иного органа управления. Учрежденная в 1825 г. в Астрахани «Комиссия калмыцких дел» была заменена «Управлением калмыцким народом», главный и улусные приставы – попечителями. Однако Правила 1834 г. имели для калмыцкой знати первостепенное значение, поскольку впервые в российском законодательстве были определены права нойонов и зайсангов. Отныне нойоны приравнивались к потомственным дворянам Российской империи, а зайсанги – к почетным гражданам. Другим нововведением российской администрации было то, что слово «владелец», являвшееся в прежних правилах, теперь было заменено словом «нойон». Некоторые статьи Положения 1834 г. отражали стремление правительства ограничить произвол феодалов по отношению к рядовому населению улусов. Нойонам и зайсангам было запрещено продавать, закладывать и дарить подвластных им калмыков. Положение 1834 г. провозглашало право калмыков жаловаться как на своих владельцев, так и на чиновников Калмыцкого управления, ограничило вмешательство калмыцкого духовенства в светские дела, относя к его ведению только дела, касающиеся религии, семейной жизни и нравов. Эти нормы закона были далеки от действительных отношений, господствовавших в Калмыцкой степи, и в значительной части остались на бумаге.

Положение продолжало политику правительства по ограничению прав калмыцких владельцев. С этого времени нойоны уже не могли распоряжаться своими подвластными на правах личной собственности, хотя последние обязаны были платить повинности в пользу нойонов и зайсангов, что положило конец практике продажи своих подвластных [14, с. 81]. Кроме того, был утвержден Совет Калмыцкого Управления под председательством Главного Попечителя. В него входили два товарища Главного Попечителя, ассессор из нойонов и два депутата из зайсангов. Изменился и состав суда Зарго, в него теперь входили: председатель, два советника от Правительства и два ассессора из нойонов [5, с. 25].

Улусное управление осуществляли нойоны, а в казенных улусах – правители, на которых возложили хозяйственный порядок. Улусные приставы были переименованы в попечителей и вместе с помощниками по-прежнему заведовали следственно-полицейской частью. Кроме того, на правах судебных инстанций первой степени были учреждены улусные суды, состоявшие в каждом улусе под председательством нойона или правителя из улусного попечителя, помощника попечителя и двух заседателей – зайсангов.

С образованием Министерства государственных имуществ в его ведомство перешли и калмыки. 23 апреля 1847 г. было принято новое Положение об управлении калмыцким народом [11, с. 349-372], выработанное министром МГИ П. Д. Киселевым для государственных крестьян и отредактированное в полном соответствии с Положением от 30 апреля 1838 г. В этом Положении система «попечительства» нашла свое наиболее яркое выражение. Новое Положение внесло резкие, но вполне предсказуемые изменения в жизни привилегированных калмыцких сословий. Ранее до 1847 г. управление улусами находилось в руках нойонов или правителей, а участковый пристав (с 1838 г. попечитель) обязывался осуществлять полицейский надзор и не имел права вмешиваться в управление нойонов или правителей. Новым Положением с нойонов или правителей снимались прежние обязанности, с этого времени приоритет в решении дел принадлежал представителю местной администрации – улусному попечителю. Абсолютно все распоряжения по улусу исходили от него и согласовывались лишь с владельцем.

Возможность влиять на места и время кочевок помогала калмыцкой знати удерживать власть в своих руках, несмотря на все ограничения российской администрации. К. И. Костенков писал в отношении калмыцких кочевий, что их места, издавна распределенные «безобидно между калмыками», не изменяются «без особого заявления о том народе» [13, с. 17]. Но в статье 245 Положения об управлении калмыцким народом от 23 апреля 1847 г.

говорилось: «Нойонам-владельцам, опекунам и правителям вменяется в обязанность назначить места и время для перекочевок и распределить между аймаками и хотонами своего улуса земли и угодья» [11, с. 371].

Следовательно, можно предположить, что распределение внутри улусных кочевков полностью находилось в руках нойонов, опекунов или назначенных правителей. Административный контроль над распределением кочевков осуществлялся улусными попечителями согласно статьям 221, 228 того же Положения. По Положению 1847 г., Зарго, или улусный суд, уравнен был в правах с волостными расправами.

Положение 1847 г. подтвердило те ограничения власти нойонов и зайсангов над калмыцким населением, какие были установлены в 1834 г. Остался без изменения и размер албана, только счет с ассигнаций был переведен на серебро.

Таким образом, Положение 1847 г. стало последней точкой в деле ограничения власти калмыцкой знати. Упразднение Зарго, Ламайского духовного правления и, наконец, замена единоличного правителя улуса в лице нойона или правителя коллегиальным органом свидетельствуют о целенаправленной политике ограничения и лишения калмыцкой знати автономных начал в управлении, о значительной степени подчиненности администрации. Бюрократические методы административного устройства Российской империи распространялись на окраины, ломая или приспособлявая местные обычаи или оставшиеся автономные институты, подгоняя их под некий общий «образец». Уже в 1848 г. вместо упраздненного совета по управлению волжскими калмыками было организовано Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ. В 1867 г. вместо него создается Управление калмыцким улусом (УКН). По закрытии 1 января 1867 г. палаты государственных имуществ Ордынское отделение Палаты переименовано в Главное управление калмыцким народом.

Таким образом, калмыцкая знать в результате откочевки в Джунгарию лишилась своей государственно-сти и независимости. Упразднение Калмыцкого ханства рескриптом Екатерины II от 19 октября 1771 г. сделало первоочередной необходимостью определить правовое положение оставшихся степняков в империи и выработать систему управления последними. Это выразилось в принятии ряда законодательных актов, наиболее значительными из которых в XIX в. явились Правила 1825 г. и Положения по управлению калмыцким народом 1834 и 1847 гг. Принятые законы преследовали одну цель – «управление калмыцким народом сделать проще и по возможности сблизить в правилах и порядке с управлением государственными имуществами, чтобы, таким образом, водворяя между калмыками русские начала, приуготовить их к слиянию с коренными жителями, подобно другим “инородцам”». Именно в первой половине XIX в. была оформлена в целом система ограничения автономных начал в управлении Калмыкией. Положение 1847 г. стало последней точкой в деле ограничения власти калмыцкой знати. Организация управления калмыцким народом, скоординированная изданием Положения, была сохранена почти без изменений вплоть до 1917 г.

Список литературы

1. **Борисенко И. В.** Очерки исторической географии Калмыкии. Дореволюционный период. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991. 313 с.
2. **Бюджетное учреждение Республики Калмыкия «Национальный архив Республики Калмыкия»** (БУ РК НАРК). Ф. 1. Оп. 1.
3. **БУ РК НАРК.** Ф. 9. Оп. 1.
4. **Горяев М. С.** Вовлечение Калмыкии в общественно-экономическую систему Российской империи (последняя треть XVIII – конец XIX века). Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2013. 224 с.
5. **Костенков К. И.** Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии: с картой Калмыцкой степи. СПб.: Министерство Государственных Имуществ; Хромолит. Н. Глыбова, 1870. 170 с.
6. **Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ)**, с 1649 г. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (ТПОСЕИВК), 1830. Собрание I. Т. XXII. 1784-1788. 1168 с.
7. **ПСЗРИ.** СПб.: ТПОСЕИВК, 1830. Собрание I. Т. XXVI. 1800-1801. 875 с.
8. **ПСЗРИ.** СПб.: ТПОСЕИВК, 1830. Собрание I. Т. XXVII. 1802-1803. 1122 с.
9. **ПСЗРИ.** СПб.: ТПОСЕИВК, 1830. Собрание I. Т. XXXIII. 1815-1816. 1173 с.
10. **ПСЗРИ.** СПб.: ТПОСЕИВК, 1836. Собрание II. Т. X. 1835, прибавление к Т. IX. 910 с.
11. **ПСЗРИ.** СПб.: ТПОСЕИВК, 1848. Собрание II. Т. XXII. Отделение I. 1847 г. 951 с.
12. **Российский государственный архив древних актов.** Ф. 16. Оп. 1.
13. **Собрание Астраханского губернского статистического комитета** (Астрахань, 26 февраля 1863 г.). Астрахань, 1863. 28 с.
14. **Эрдниев У. Э.** Калмыки: историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 282 с.

NOMADIC ARISTOCRACY IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN STATE'S NATIONAL POLICY IN THE LAST THIRD OF THE XVIII – THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY (BY THE EXAMPLE OF THE KALMYKS)

Avliev Vyacheslav Nikolaevich, Ph. D. in History
Goryaev Mergen Sanalovich, Ph. D. in History
Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov
bartolomeod@yandex.ru; mergengoryaev@mail.ru

The article analyzes interrelations between the Russian administration and representatives of the Kalmyk nomadic aristocracy at the end of the XVIII – in the middle of the XIX century. Just in this period a system restricting autonomous elements in Kalmykia's government was formed. In 1771, after the majority of the nomadic people returned to their historical motherland (Dzungaria), attitude of the central authorities towards the Kalmyks changed. The Russian authorities abandoned temporary measures and focused on establishing the remained Kalmyks' national status.

Key words and phrases: aristocracy; Russian authorities; autonomy; governor; government.